

95
3-81
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія десятый.

АПРѢЛЬ.

№ 12.

1917.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛѢ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЕСНА ИДЕТЬ!
ВЫЗДОРОВѢЛА! (повѣсть).
УЖЪ ВЕЧЕРЪ ТИХІЙ (стих.).
ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЯ (стих.).
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Русское сельцо—для склеиванія
«Прыгай дальше» (игра).

608639

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

608639/1 XX-мус

Российская государственная
детская библиотека

95
3-42

№ 12. Апрель. 1917. Годъ изданія X-й. Два раза въ мѣсяцъ.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Отъ Редакціи.

Журналъ «Золотое Дѣтство» за первое полугодіе текущаго подписнаго года разошелся весь.

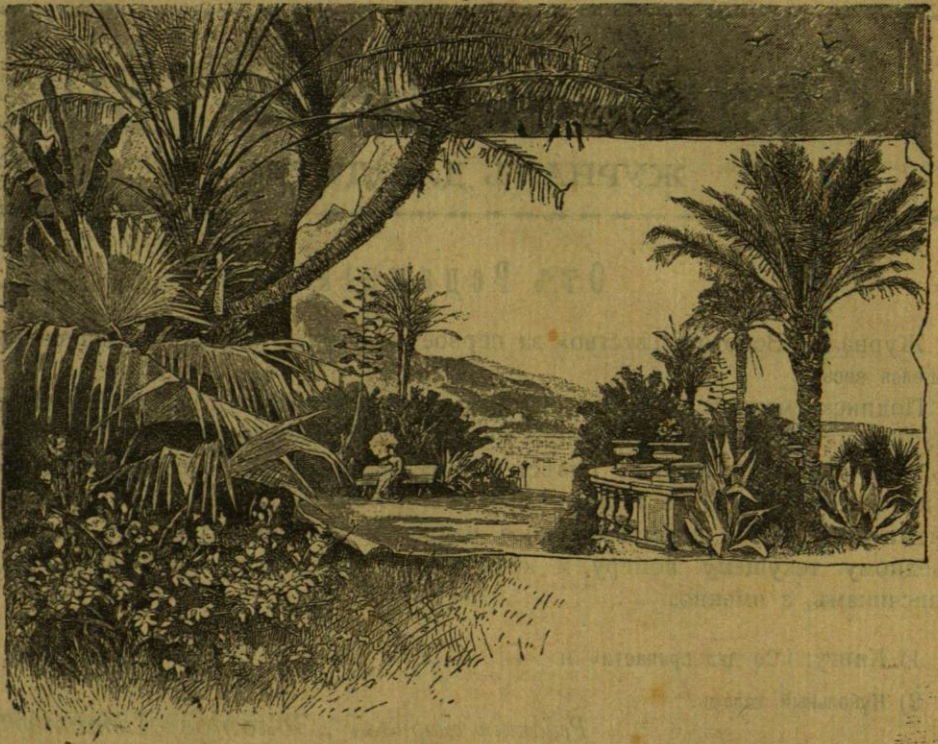
Подписка можетъ быть принята только съ Мая этого года по Май будущаго года. Для удобства г.г. подписчиковъ Редакція расположить литературный матеріаль такъ, что никакого перерыва повѣстей и рассказовъ съ перваго полугодія на второе не будетъ, и журналъ такимъ образомъ составитъ собою цѣльный подписной томъ; причемъ подписчики получатъ полное число премій, полагающихся къ каждому очередному текущему номеру, и кромѣ того двѣ преміи, обѣщанныя годовымъ подписчикамъ, а именно:

- 1) Книгу: «Со дна пропасти» и
- 2) Кукольный театръ.

Редакція журнала „Золотое Дѣтство“.

Городъ Бордигера въ Италіи.

ВЕСНА ИДЕТЬ!

Да, да!.. Весна идет!.. Грачи ужь прилетѣли,
 Ручьи бѣгутъ, оттаяла земля,
 Теперь чрезъ двѣ иль три недѣли
 Зазеленѣютъ и поля.

Весна, весна идет!.. На вишняхъ бухнуть почки,
 Ужъ дождь прошелъ прозрачной кисеей,
 И на проталинкахъ какіе-то цвѣточки
 Ужъ зацвѣли голубенькой семьей.

И хочется пойти съ лопатою на грядки,
 Копать, пахать, приняться за труды...
 Весна идет!.. Ужъ плещутся ребятки
 Въ канавкахъ и ручьяхъ и въ лужицахъ воды.

—→•••←—
 Кузнечикъ.

ВЫЗДОРОВѢЛА!...

Повѣсть.

— Ахъ, докторъ, наконецъ - то! воскликнула Анна Федоровна.—Я такъ васъ ожидаю!

— А развѣ случилось что-нибудь очень серьезное? спросилъ старичекъ-докторъ, тяжело дыша отъ того, что взобрался на третій этажъ.

— Да, докторъ, мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ... Дѣло идетъ о здоровьѣ моей Сони.

— Что-жъ, она лежитъ? У нея большой жаръ?

— Нѣтъ, докторъ; но она какъ-то плохо ѣсть, не любитъ молока и яицъ и стала какая-то блѣдная, вялая, совсѣмъ не такая, какъ была. Сейчасъ она гуляетъ... Я ее жду каждую минуту.

Докторъ опустилсѣ въ кресло и сталъ протирать себѣ очки.

— Стоило ли беспокоиться изъ-за такихъ пустяковъ?.. добродушно сказалъ онъ.—Впрочемъ, мы ее осмотримъ... Когда она придетъ, то вы меня проведите къ ней.

Пока докторъ сидѣлъ въ креслѣ, Анна Федоровна смотрѣла на него съ озабоченнымъ видомъ.

— Вчера я получила съ Юга письмо отъ своей тетки, начала она, — съ которой не видалась уже нѣсколько лѣтъ.—Тетя приглашаетъ меня вмѣстѣ съ Соней къ себѣ въ усадьбу, въ Малороссію, погостить мѣсяца два или три. Мнѣ такъ бы хотѣлось...

Но вотъ я не знаю, полезно ли будетъ это для Сони...

— А почему же нѣтъ? спросилъ докторъ.

— Да, знаете ли, докторъ, старинный домъ, старуха-тетка, живущая только для себя и никогда не имѣвшая своихъ дѣтей,—и малѣйшее законное желаніе Сони можетъ показаться ей капризомъ. Кромѣ того, она страдаетъ иногда ревматизмомъ и по цѣлымъ днямъ не выходитъ изъ комнаты, такъ что я боюсь, что моя Соня умретъ тамъ со скуки.

Не успѣла Анна Федоровна сказать эти слова, какъ дверь въ гостиную отворилась и въ нее вбѣжала сама Соня. Это была дѣвочка лѣтъ десяти, довольно высокая для своихъ лѣтъ и совсѣмъ не худая. Ея прекрасные свѣтлые волосы падали ей на плечи и голубые глаза радостно свѣтились; она бросилась къ своей матери, а та нѣжно прижала ее къ себѣ, поцѣловала и затѣмъ молча подвела ее къ доктору.

Старичекъ съ улыбкою притянулъ дѣвочку къ себѣ и поцѣловалъ ее въ обѣ щеки.

— Кажется, мы сейчасъ гуляли?—спросилъ онъ ее.—Отъ нашихъ щекъ такъ свѣжимъ воздухомъ и вѣетъ! Гдѣ ты была?

— Въ скверѣ у Казанскаго собора... отвѣтила Соня, а затѣмъ об-

ратившись къ матери, сказала:—Зачѣмъ у насъ докторъ? Развѣ кто-нибудь боленъ?

Старикъ-докторъ засмѣялся. Аннѣ Федоровнѣ сдѣлалось неловко.

— Ты хочешь знать, зачѣмъ я пріѣхалъ? обратился къ Сонѣ докторъ.—За тѣмъ, чтобы сказать тебѣ радостную новость: ты скоро поѣдешь съ мамой въ Малороссію!

— Въ Малороссію? воскликнула дѣвочка.—Къ бабушкѣ? Я не желаю туда ѣхать! Бабушка всю свою жизнь прожила одна, не имѣла своихъ дѣтей и страдаетъ ревматизмомъ. Мнѣ тамъ будетъ скучно!

— А развѣ ты когда-нибудь видала свою бабушку?

— Нѣтъ, я не видала ее, но такъ говоритъ моя мама.

Докторъ съ укоризною посмотрѣлъ на Анну Федоровну и покачалъ головою.

— Соня, иди въ дѣтскую! сказала Анна Федоровна.—Скажи фрейлейнъ, чтобы она дала тебѣ позавтракать!

— Только, мама, не яиць и не молока!—отвѣтила Соня. Я ни за что ѣсть не стану!

— Хорошо, хорошо, сказала мама.—Иди, тебѣ ихъ и не дадутъ!

Соня выбѣжала изъ комнаты, а докторъ поднялся со своего кресла и два раза прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Вотъ видите, какъ вы портите своихъ дѣтей! сказалъ онъ.—Дѣвочка веселенькая, свѣженькая, ходила гулять, а вы воображаете, что она

больна, и посылаете за врачомъ. У другихъ дѣтей не на-что купить чашку молока, чтобы поддержать жизнь и не умереть съ голоду, а у васъ дѣвочка сама отказывается отъ яиць и молока; у другихъ некуда сунуться на лѣто изъ душнаго Петрограда, а вамъ счастье прямо плыветъ въ руки, васъ приглашаютъ на все лѣто въ Малороссію, а вы начинаете придумывать предлоги, какъ-бы отказать отъ приглашенія. Развѣ это хорошо?

Анна Федоровна опустила голову.

— Ну, что же мнѣ дѣлать, докторъ, сказала она,—если я такъ боюсь за мою Соню? Мужъ у меня умеръ, и кромѣ ея одной у меня нѣтъ ни одной близкой души на свѣтѣ! Если она заболѣетъ или умретъ, то я не переживу.

Докторъ взадъ и впередъ прошелся по комнатѣ.

— Дѣти даже и понятія не должны имѣть о томъ, что такое скука, сказалъ онъ.—Они должны ѣсть все, что питательно и здорово, и ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ обращать ихъ вниманіе на то, что они блѣдны или похудѣли... Пусть себѣ бѣгаютъ на свободѣ, пусть ѣдятъ вдоволь все и пусть не думаютъ ни о чемъ.

— Такъ вы, значить, совѣтуете ѣхать? спросила Анна Федоровна.

— Не совѣтую, а приказываю, отвѣтилъ докторъ и взялся за шляпу.

Анна Федоровна глубоко вздохнула.

— Хорошо, докторъ, сказала она.— Я ее повезу къ тетѣ. Но что дѣлать, если она чѣмъ-нибудь заразится въ

вагонѣ, или, пріѣхавши къ тетѣ, вдругъ у нея заболѣтъ!

Докторъ засмѣялся.

— Не заразится! воскликнулъ онъ.— Не заболѣтъ! Развѣ не ѣздятъ дѣти по желѣзнымъ дорогамъ? Развѣ

— Ахъ, докторъ, наконецъ-то!

не гостятъ внучки у своихъ бабушекъ? Э, полноте! Да на вашемъ мѣстѣ я прыгаль бы теперь отъ радости, что предстоитъ ѣхать въ Малороссію, а на мѣстѣ вашей Сони только бы и ѣлъ, что одни яйца да молоко! Эхъ, вы, богачи! Не видали вы бѣдности и труда!

И, все еще смѣясь, докторъ простился съ Анной Федоровной и сталъ спускаться по лѣстницѣ внизъ. Здѣсь онъ сѣлъ въ свой экипажъ и покатилъ куда-то влѣво.

Анна Федоровна стала собираться въ путь. Были вытащены изъ чулана корзины и чемоданы, началось укладыванье бѣлья и платьевъ, хлопоты, ахи и охи, и наконецъ мать и дочь поѣхали на вокзалъ. Анна Фе-

доровна была полна недобрыхъ предчувствій, и все ей казалось, что Соня не выдержитъ такого длиннаго пути, или же заразится по дорогѣ какою-нибудь болѣзнью и захвораетъ. И прежде чѣмъ сѣсть въ вагонѣ на диванчикъ, она украдкой вытащила изъ корзинки бутылочку съ карболовой кислотой и попрыскала ею вокругъ. По вагону пронесся струей запахъ дезинфекціи.

«Все-таки лучше будетъ... подумала она.— Мало-ли кто здѣсь не ѣздитъ!»

Раздался свистокъ, поѣздъ двинулся въ путь, и мало-по-малу Соню стало клонить ко сну. Анна Федоровна достала простыню, одѣяло, подушки, долго устраивала для нея постель и наконецъ уложила Соню спать. Когда Соня заснула, она сѣла у нея въ

— Кажется, мы сейчасъ гуляли?

ногахъ и долго не спускала съ нея глазъ.

«Что-то будетъ съ Соней въ дорогѣ? думала она.— Благополучно ли

мы доѣдемъ? Бѣдная, бѣдная дѣвочка! Тебѣ придется цѣлое лѣто провести одной, въ старомъ затхлому домѣ, въ обществѣ одной только старухи-бабушки и ея приживалокъ! Какъ-то ты это перенесешь?»

А тѣмъ временемъ въ усадьбѣ у бабушки тоже шелъ разговоръ и именно о нихъ.

У бабушки Татьяны Максимовны былъ флигель и она сдала его на лѣто внаймы семьѣ одного доктора Васильева, служившаго уѣзднымъ врачомъ въ сосѣднемъ городкѣ. Семья этого доктора состояла изъ жены и шести человѣкъ дѣтей—все малъ-мала-меньше. Самой старшей изъ нихъ, Катѣ, было всего только десять лѣтъ, а младшему мальчику—всего только пошелъ третій годъ; между ними было четверо: двое мальчиковъ—Костя и Ника и двѣ дѣвочки—Ксения и Варя. Ихъ отецъ—докторъ былъ человѣкъ небогатый и нарочно отправилъ ихъ всѣхъ въ деревню на лѣто, чтобы поменьше было расходовъ. Ихъ мама Елена Ивановна всѣхъ ихъ одѣвала и обшивала сама и всякій разъ приходила въ ужасъ отъ того, что они много ѣли.

— Костя, иной разъ говорила она,—вѣдь ты уже два яйца съѣлъ.— Довольно съ тебя! Оставь для другихъ!

А въ это время другія дѣти кричали:

— Мамочка, дай намъ молока! Молока хотимъ!

— Мамочка, дай черного хлѣба, ѣсть хочется!

И Елена Ивановна едва успѣвала ихъ одѣвать.

Они усѣлись всѣ на террасѣ своего флигеля.

А случалось и такъ, что кто-нибудь изъ ребятъ разбивалъ себѣ носъ или, ударившись лбомъ обо что-нибудь твердое, украшалъ свою физиономію синякомъ. Раздавался плачь, и всѣ бѣжали къ своей мамѣ.

— Ничего, ничего! говорила имъ Елена Ивановна.— Пройдетъ! Если даже и головы у васъ отвалятся, то новыя вырастутъ! Васъ такъ много,

что если на каждого изъ васъ обращать вниманіе, то и самой-то на всѣхъ не хватить!

И все время ихъ мама была около нихъ, все время для нихъ трудилась, а по вечерамъ читала имъ вслухъ. Старшую же Катю она сама готовила къ поступленію въ гимназію.

Дѣти обожали ее, и имъ казалось, что лучше ихъ мамы нѣтъ никого на свѣтѣ.

Въ усадьбу къ бабушкѣ семья доктора Васильева тоже пріѣхала по желѣзной дорогѣ. Проходя мимо вагона перваго класса и увидѣвъ въ немъ мягкіе диваны, Костя облизнулся и сказалъ:

— Вотъ бы проѣхаться во второмъ классѣ!

— Ну, да, какъ же! отвѣтила ему мама.—Прокатишься и въ третьемъ! Какъ всѣхъ васъ шестерыхъ возить въ вагонахъ втораго класса, такъ бѣдному вашему папѣ и отдохнуть никогда не придется, все работать будетъ.

И войдя въ вагонъ третьяго класса, всѣ они размѣстились, гдѣ попало, потому что была тѣснота и негдѣ было сѣсть къ одному мѣсту всей семьей.

Тутъ же ѣхала какая-то женщина съ больнымъ ребенкомъ. У него былъ жаръ, и онъ былъ весь красный и жалобно плакалъ. Дѣтямъ стало жалко его, и они обступили его и стали его утѣшать. Еленѣ Ивановнѣ было пріятно, что у ея дѣтей были добрыя сердца.

И теперь, когда бабушка Татьяна Максимовна сообщила ихъ мамѣ, что къ ней должна была пріѣхать гостить еще одна дѣвочка изъ Петрограда, а именно Соня со своей мамой Анной Федоровной, то радостямъ ихъ не было конца. Они успѣлись всѣ на террасѣ своего флигеля и стали мечтать о томъ, какъ всѣ они будутъ съ ней играть.

— Знаете, что? обратилась вдругъ Катя съ таинственнымъ видомъ къ братьямъ и сестрамъ.—У этой дѣвочки Сони, говорятъ, вовсе нѣтъ папы; онъ умеръ, когда ей было только два года, и теперь ея мама съ горя все плачетъ, плачетъ, плачетъ... Такъ что бѣдной Сонѣ никогда не бываетъ весело.

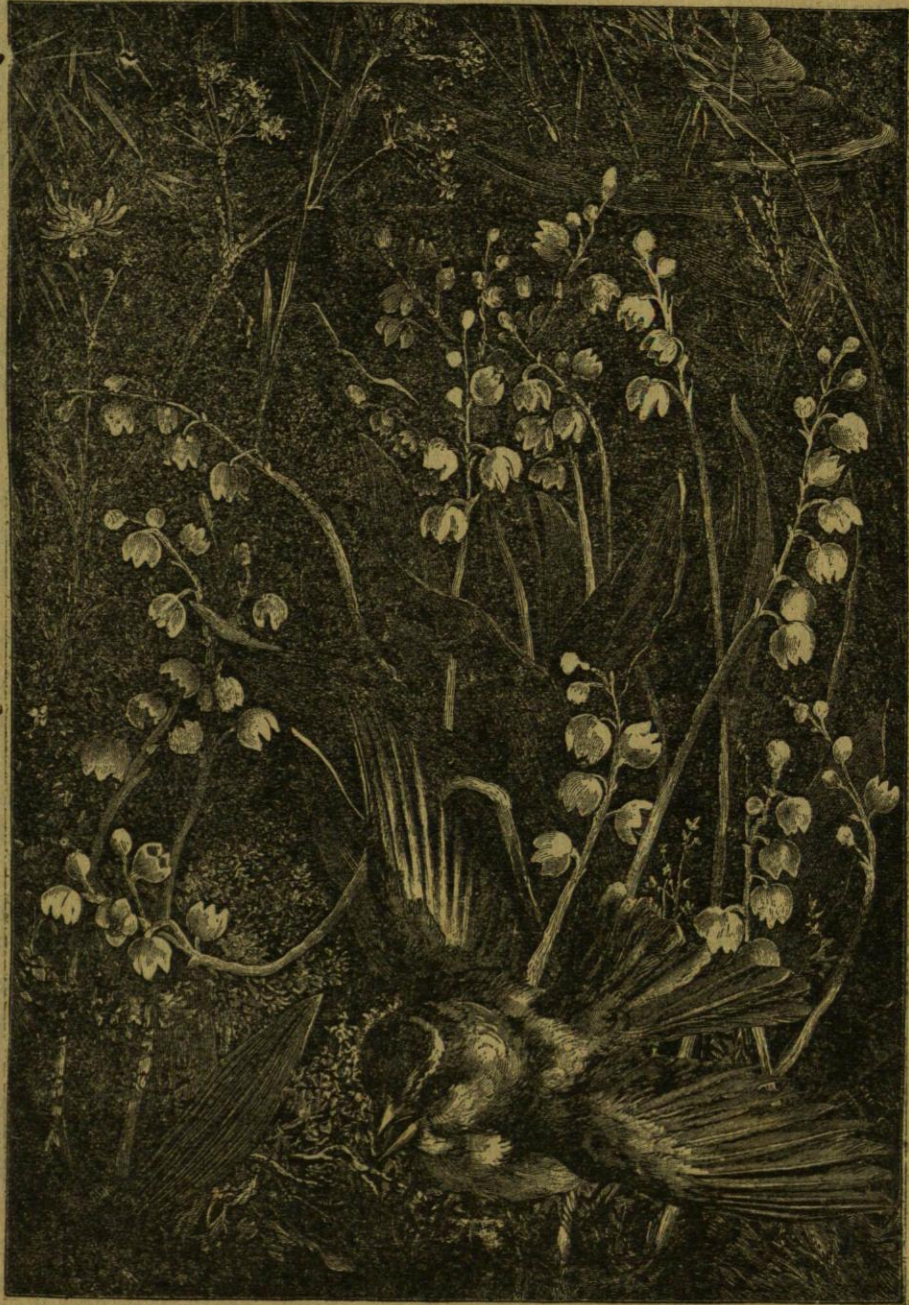
Дѣти глубоко вздохнули.

— Поэтому давайте съ ней будемъ ласковыми, продолжала Катя,—будемъ ей во всемъ уступать. Вѣдь она одна-одинешенька на свѣтѣ: нѣтъ у нея ни братьевъ, ни сестеръ, и ей такъ грустно!

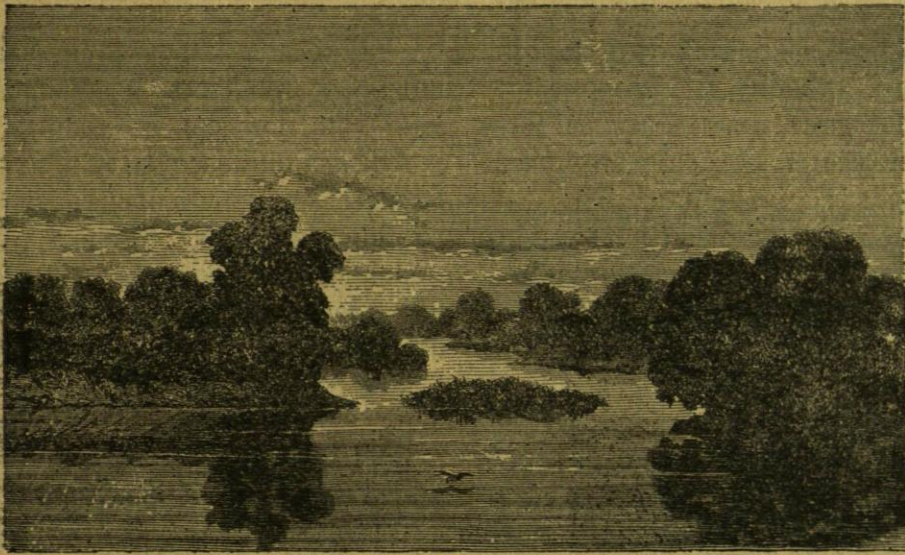
— Да, ей очень грустно... подтвердилъ и Костя.—Она пріѣдетъ къ хозяйкѣ, а хозяйка старуха, и ей будетъ у нея скучно. Давайте просить маму, чтобы она взяла ее къ намъ. Ей съ нами будетъ веселѣе!

— У мамы насъ и такъ много! возразила Катя.—Чѣмъ мы будемъ ее кормить?

— Какъ чѣмъ? удивилась Ксения.—А чернымъ хлѣбомъ и молокомъ? Мы черный хлѣбъ такъ всѣ любимъ!

Ландыши.

Ужъ вечеръ тихій. Солнце сѣло,
 Росой упитана земля,
 Кричатъ лягушки, все запѣло
 И слышенъ крикъ коростеля.

И звонко всѣхъ перебывая,
 Поетъ прекрасный соловей,
 И лѣсъ молчитъ, ему внимая,
 Не шевеля своихъ вѣтвей.

Вотъ крикнулъ перепелъ, вотъ стонетъ
 Куликъ среди своихъ болотъ,
 Жужжитъ комаръ, ко сну насъ клонить,
 И ночь съ прохладой настаетъ.

Кузнечикъ.

— Да, да, закричали дѣти хоромъ. Чернымъ хлѣбомъ и молокомъ!

— И будемъ давать ей яйца! Яйца такія вкусныя, она будетъ очень рада...

И много кой-чего еще хотѣли дѣти предложить своей будущей знакомой. Они старались вообразить себѣ, какая она, на кого она похожа, въ какія игры она умѣетъ играть, а между тѣмъ надъ усадьбой тихо спускалась южная ночь. Въ кустахъ сирени, буйно разбросавшей свои вѣтви въ саду и бывшей въ полномъ цвѣту, запѣлъ соловей, и тотчасъ же ему отвѣтилъ другой соловей на томъ берегу рѣки; зажужжали комары, залетали жуки, закричали хоромъ лягушки и отовсюду потянулся сладкій аромать. Въ большомъ домѣ у бабушки Татьяны Максимовны зажгли огонь, и вдругъ звонко пробили часы девять.

— Дѣти, спать пора! крикнула имъ мать.—Уже девять часовъ!

Привыкшія всегда немедленно исполнять приказанія своей матери, дѣти вскочили со своихъ мѣстъ и побѣжали къ себѣ во флигель. Не побѣжалъ только маленькій Петя: въ пылу разговора онъ нечаянно заснулъ и, свернувшись калачикомъ на ступенькѣ, спалъ крѣпкимъ непробуднымъ сномъ. Катя вернулась къ нему, взяла его на руки, внесла его въ спальную, тихонько его раздѣла и, пока мама возилась съ другими дѣтьми, уложила его въ постельку.

— Спи, мой мальчикъ! сказала она, подражая голосомъ и манерой мамы.—Спи, Господь съ тобою!

А когда они заснули всѣ, за г-жей Васильевой прислали изъ большого дома. Бабушка Татьяна Максимовна получила отъ Анны Федоровны телеграмму, въ которой та извѣщала ее, что пріѣдетъ вмѣстѣ съ Соней завтра утромъ.

— Елена Ивановна, голубушка, обратилась къ ней бабушка Татьяна Максимовна,—будьте такая добренькая, съѣздите завтра на станцію встрѣтить ихъ! Я знаю, вамъ некогда, у васъ цѣлый миллионъ ребятъ, да ужъ какъ-нибудь присмотримъ за ними. Не откажите, милая!.. Вся надежда на васъ...

Елена Ивановна согласилась и, возвратясь къ себѣ въ флигель, зашла въ дѣтскую, чтобы перекрестить дѣтей.

— Ты гдѣ была? вдругъ спросила ее Катя.

— Ты еще не спишь? обратилась къ ней мать.—Ну, спи, спи, дорогая моя. Завтра рано вставать.

— А зачѣмъ? спросила ее Катя.

— Мы поѣдемъ съ тобою на станцію встрѣчать Соню съ мамой.

Катя взвизгнула, дрыгнула отъ радости ногой и закрылась одѣяломъ съ головой.

На слѣдующее утро Елена Ивановна и Катя, вставши чуть свѣтъ и проѣхавъ семь верстъ въ экипажѣ,

уже были на станціи и ожидали Анну Ѳедоровну и Соню.

— Какъ бы намъ ихъ не прозвать.. говорила Елена Ивановна.— Вѣдь мы ихъ совсѣмъ не знаемъ...

Но вотъ подошелъ поѣздъ, изъ него съ массой вещей вышла какая-то дама въ траурѣ и съ ней дѣвочка лѣтъ десяти. Это Анна Ѳедоровна и Соня. Елена Ивановна съ Катей подбѣгаютъ къ нимъ, знакомятся, и выходитъ такъ, точно всѣ онѣ были знакомы уже много лѣтъ. Соня схватила Катю за руку и стала ее тотчасъ спрашивать, кто она, есть ли у нея братья и сестры, какія у нея игрушки и, узнавъ, что у нея только одна маленькая куколка, удивилась и указала на цѣлый сундукъ съ игрушками, который она привезла изъ Петрограда съ собою.

— Ну, ну, поспѣшимъ скорѣе съ багажомъ...

— Катюша, вотъ тебѣ зонтики. Идемте скорѣе!

обратилась къ нимъ Анна Ѳедоровна. — Сонечка, бери вотъ эту корзиночку, Катюша—вотъ тебѣ зонтики. Идемте скорѣе!

И четверть часа спустя, онѣ уже сидѣли въ экипажѣ и по мягкой дорогѣ катили къ бабушкѣ въ усадьбу.

Всю дорогу дѣвочки весело болтали, тогда какъ обѣ матери вели между собою разговоръ о дѣтяхъ, о трудности ихъ воспитанія и о томъ, какъ много они изнашиваютъ башмаковъ. Когда же подѣзжали къ усадьбѣ и Соня увидела большія деревья, со всѣхъ сторонъ окружавшія домъ бабушки, и кусты сирени, бывшіе въ полномъ цвѣту, она воскликнула:—

— Вотъ гдѣ хорошо будетъ играть въ прятки!

Между тѣмъ, подѣхали ко крыльцу. Изъ двери вышла горничная съ блѣднымъ лицомъ, повидимому, не спавшая цѣлую ночь, а изъ сосѣдняго флигеля высыпали сразу всѣ дѣти.

— Мамочка! мама! раздавались ихъ голоса. — Веди скорѣе къ намъ эту дѣвочку! Тамъ, въ большомъ домѣ, ей будетъ скучно!

— Тише! Тише! крикнула имъ мать.

Горничная тоже съ безпокойствомъ поглядѣла на кричавшихъ дѣтей.

— У старой барыни болитъ високъ..., сказала

Горничная шла впереди.

она.—Онѣ не спали цѣлую ночь...Онѣ приказали вамъ сказать, что ждутъ васъ въ своей спальнѣ.

Анна Федоровна и Соня вошли въ домъ. Здѣсь было тихо и казалось, что въ немъ не жилъ никто, такъ все въ немъ было уныло и одиноко. Горничная шла впереди и, остановившись около одной двери, тихонько стукнула въ нее два раза и отворила.

— Войдите! слышался чей-то голосъ.

Анна Федоровна и Соня вошли въ комнату со спущенными занавѣсками. Въ ней было темно и стоялъ запахъ всевозможныхъ лекарствъ.

— Входите же! снова послышался голосъ.

— Простите, тетя, отвѣтила Анна Федоровна.—Дневной свѣтъ такъ ослѣпилъ меня, что я не вижу ничего!

И, взявши за руку Соню, она подошла къ высокому креслу, на которомъ въ подушкахъ сидѣла старуха. Не смотря на раннее утро, она была уже одѣта въ платье, отдѣланное дорогими старинными кружевами. Освоившись съ полумракомъ, Анна Федоровна разглядѣла на ней драгоценную брошь, которая досталась ей еще отъ ея бабушки.

— Подойдите сюда! сказала старуха. Вся дрожа, Соня сдѣлала два шага впередъ, но тотчасъ же спряталась за мать.

Не смотря на раннее утро, бабушка была уже одѣта.

Старуха протянула къ ея мамѣ руки и, не поднимаясь съ кресла, дрогнувшимъ голосомъ сказала:

— Наконецъ-то я вижу тебя, Анята... А гдѣ же твоя дѣвочка?

Анна Федоровна подвела къ ней Соню.

Бабушка взяла своими костлявыми руками дѣвочку за обѣ щеки и пристально посмотрѣла ей въ глаза.

— Вся въ своего покойнаго отца... сказала она и горячо поцѣловала ее въ лобъ.—Тѣ же брови, тѣ же глаза.

И, обнявши обѣихъ, она вытащила изъ кармана платокъ и поднесла его къ глазамъ.

— Наконецъ-то я васъ вижу... сказала она.—Сколько лѣтъ, сколько зимъ.

Она притянула къ себѣ Соню и крѣпко прижала ее къ своей костлявой груди. Соня въ первый разъ въ жизни такъ близко видѣла такого стараго человѣка и потому неохотно отвѣтила на ея ласки. Къ тому же она устала съ дороги и плохо чувствовала себя въ темнотѣ.

— Ну, иди, иди... сказала бабушка.—Тамъ, во флигелѣ, молодежи много, тебѣ съ ней будетъ веселѣе, чѣмъ со мной...

И еще разъ обнявши ее и ея мать, бабушка приказала горничной провести ихъ въ отведенныя для нихъ комнаты.

— Давно заболѣла тетя? спросила Анна Федоровна горничную, когда

онѣ вышли изъ спальной бабушки и уже шли по корридору.

— Нѣтъ, только вчера вечеромъ... отвѣтила дѣвущка.—Онѣ хотѣли сами встрѣтить васъ на вокзалѣ, но не могли... Это часто съ ними бываетъ, въ особенности къ дождю.

Она ввела ихъ въ голубую комнату, выходившую окнами въ садъ. Свѣтило солнце и всю ее наполняло своимъ ласковымъ, живительнымъ свѣтомъ. Изъ комнаты дверь вела на балконъ. Соня выбѣжала на него и увидала вокругъ себя старинный паркъ съ массой дорожекъ. Пѣли соловьи, и въ деревьяхъ шумѣли птицы, и повсюду раздавались ихъ голоса.

— Мама, мама! вдругъ воскликнула Соня.—Поди сюда, посмотри, какъ здѣсь хорошо!

И вслѣдъ затѣмъ у балкона гурьбой появились дѣти доктора Васильева, всѣ шестеро, и замахали ей руками.

— Дѣвочка, иди съ нами играть, кричали они ей.—Мы ждемъ тебя! Выходи!

Соня вопросительно посмотрѣла на мать.

— Иди, иди! отвѣтила ей Анна Федоровна.—Только умойся съ дороги и иди!

— А какъ же безъ гувернантки? робко спросила ее Соня.

А дѣти подошли еще ближе и стали еще громче кричать:

— Выходи, дѣвочка! Иди съ нами играть! Мы ждемъ тебя уже давно.

Соня вышла къ дѣтямъ, и съ этой минуты потянулись для нея счастливые дни. Катя схватила ее за одну руку, Нина за другую, и всей гурьбой ребята побѣжали въ садъ. Здѣсь они стали играть въ палочку-воровочку, въ прятки, но Соня еще ни разу въ жизни не бѣгала, какъ нужно бѣгать, ноги подъ ней подгибались, она тяжело дышала и всякій разъ оставалась позади всѣхъ. Это ее раздражало, но высказывать свое неудовольствіе въ первый же день было неловко, и она кое-какъ съ этимъ примирилась.

— Соня, да ты бѣги вотъ какъ! обращался къ ней Костя и старался показать ей, какъ онъ умѣетъ бѣгать.

Она бѣжала вслѣдъ за нимъ, но скоро отставала и, держась рукой за грудь, начинала тяжело дышать.

— Оставь ее, Костя, говорила при этомъ брату Катя.—Развѣ ты не видишь, что она слабенькая, не можетъ...

И, подходя къ Сонѣ, она обнимала ее за талію и горячо цѣловала ее въ щеку.

Живя въ Петроградѣ, Соня и понятія не имѣла о томъ, что такое стать потной отъ бѣга и возни. Здѣсь же, съ перваго дня, грудь ея стала дышать глубоко и то и дѣло ея волоски стали прилипать у нея ко лбу, и ея мама съ безпокойствомъ засовывала ей руку за спину и все боялась, какъ бы она не простудилась отъ испарины.

— Что, если она здѣсь простудится и заболѣетъ? съ ужасомъ думала Анна Федоровна про Соню.— Я этого не перенесу!..

А ея Соня въ это время бѣгала съ пріятелями по парку и не думала ни о чемъ.

Наигравшись въ-волю, дѣти вдругъ начинали чувствовать голодъ. Голодъ былъ настолько острый, что его нужно было удовлетворять сейчасъ же, немедленно, иначе, какъ имъ казалось, они не въ состояніи будутъ прожить и часа. Тогда Катя шла къ себѣ во флигель, брала краюшку черного хлѣба и раздавала его своимъ братьямъ и сестрамъ. Они начинали ѣсть его съ такимъ аппетитомъ, что Сонѣ становилось завидно, и одинъ разъ, густо покраснѣвъ, она попросила Катю дать кусочекъ и ей.

— Кушай на здоровье, отвѣтила ей Катя и протянула къ ней цѣлый ломоть.

Никогда въ жизни своей не ѣвшая черного ржаного хлѣба, Соня съ недоумѣніемъ принялась за него, но съ перваго же глотка онъ показался ей такимъ вкуснымъ, такимъ душистымъ, что она стала потомъ его ѣсть за обѣ щеки.

— А я сегодня черный хлѣбъ ѣла! съ гордостью говорила она своей мамѣ, когда возвращалась домой и укладывалась спать.

Мама дѣлала испуганные глаза, журила ее, просила ее впередъ этого не дѣлать; но хлѣбъ былъ такой вкусный, такъ пріятно было ѣсть его,

когда набѣгаешься до усталости, что Соня опускала глаза и потомъ бросалась къ матери на шею.

— Мамочка, дорогая, — говорила она, — позволь мнѣ его ѣсть. Онъ такой душистый!

Я этого не перенесу...

Анна Федоровна глубоко вздыхала, не отвѣчала ничего, и по этому ея вздоху Соня догадывалась, что это было для нея неприятно.

А тѣмъ временемъ укладывались

спать и дѣти доктора Васильева. Усталыя, набѣгавшись досыта, счастливыя, они едва успѣвали добратъся до своихъ постелей и засыпали тотчасъ же глубокимъ, непробуднымъ сномъ. Въ десять часовъ вечера къ нимъ въ дѣтскую заходила ихъ мать, Елена Ивановна, и каждому изъ нихъ клала подъ подушку по горбушечкѣ черного хлѣбца.

— Спице, мои дорогіе, говорила она, — Господь васъ благословитъ! Завтра проснетесь, а покушать-то и есть чего!

И, благословивъ ихъ и каждого поцѣловавъ въ розовую, пухленькую щечку, она выходила къ себѣ въ столовую и принималась за шитье.

— Опять Костя на колѣнкѣ штаны прорвалъ, качала она головой, разглядывая одежду своихъ ребятъ. — Такъ на нихъ все и горитъ, такъ и горитъ! А у Ксени опять фартукъ разорванъ! Батюшки мои, и у Вари — тоже! Вотъ не напасешься на чихъ одежды!

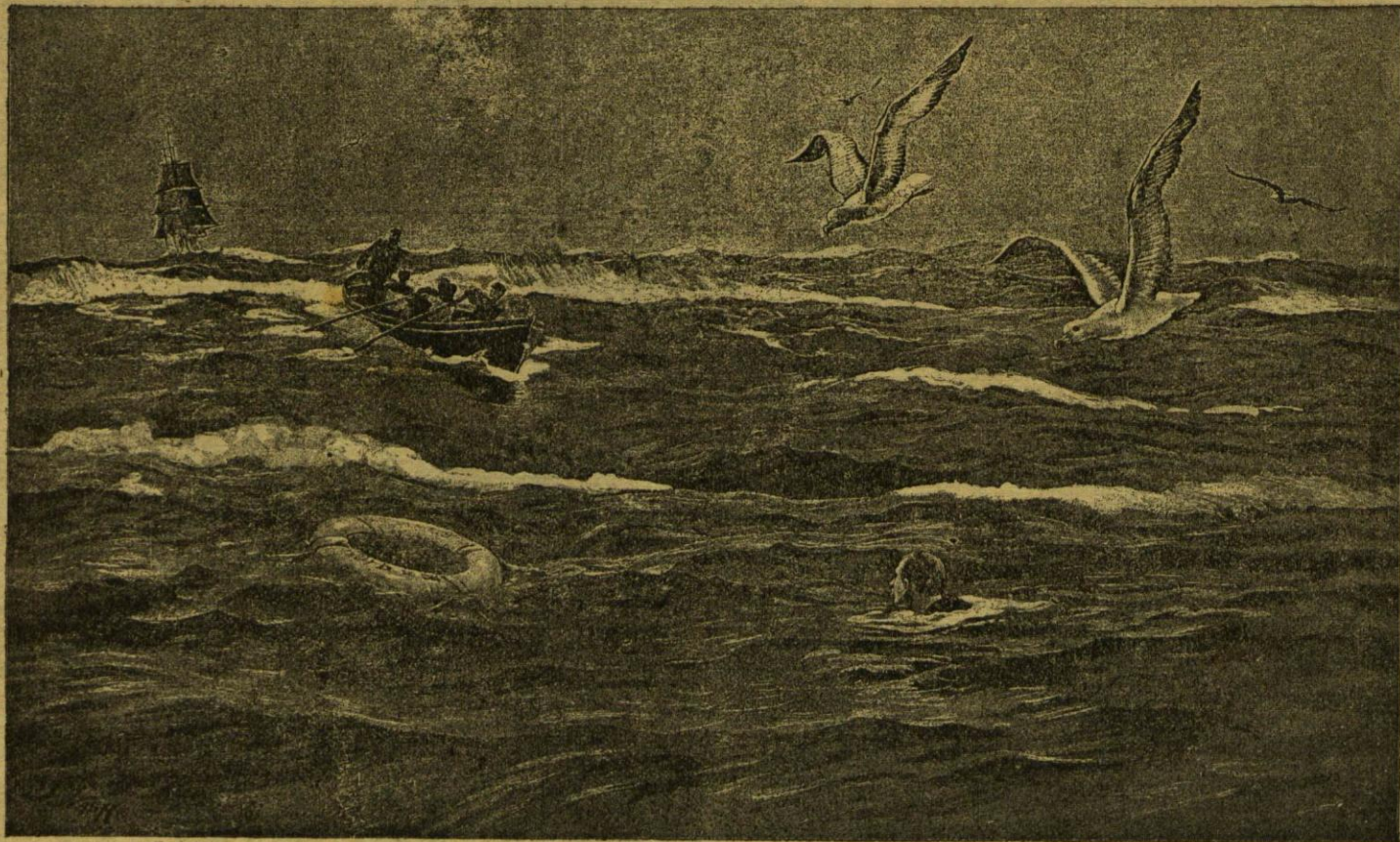

Каждому изъ нихъ она клала по горбушечкѣ черного хлѣбца.

— Въ морѣ кто-то тонеть!.. Необходимо спасти!..

А въ это время въ комнату во- въ рукахъ и озабоченно гово-
дила ей кухарка, она же и няня, рила:
Игнатъевна, съ цѣлой массой обуви — А у Кости, барыня, опять са-

Спасены

поги прорвавши... Вотъ и у Вареньки тоже-съ... Давно ли починявши, а они опять продрамись!

Елена Ивановна только махала рукой и ничего не отвѣчала, а Игнатьевна присаживалась къ ней, и осѣдлавъ носъ огромными мѣдными очками, начинала чинить дѣтямъ сапоги. Покончивъ съ сапогами, она принималась за дѣтскіе чулки и, натянувъ каждый изъ нихъ на деревянную столовую ложку, старалась наложить на нихъ заплатку на заплатку.

Иногда вечеромъ за Еленой Ивановной присылали изъ большого дома. Она ходила туда неохотно, потому что всегда была занята, но любила тамъ бывать, въ особенности съ

тѣхъ поръ, какъ тамъ поселилась Анна Федоровна. Въ такіе вечера бабушка Татьяна Максимовна усаживалась обыкновенно за столъ и раскладывала пасьянсы, а Анна Федоровна играла на рояли. Елена Ивановна очень любила музыку и не могла не слушаться, какъ Анна Федоровна играла. Затѣмъ всѣ трое долго разговаривали. Бабушка рассказывала о давно-минувшихъ временахъ, когда дамы еще носили кринолины и запле-

тали на вискахъ косички; Анна Федоровна все больше говорила о Петроградѣ, а Еленѣ Ивановнѣ не о чемъ было говорить, кромѣ какъ о дѣтяхъ, и потому она все больше молчала.

Какъ-то зашелъ разговоръ о томъ, какъ быстро поправилась въ деревнѣ Соня.

— Я бы на твоёмъ мѣстѣ, Анюта, сказала бабушка, — взяла бы всѣ свои

Вы бы и Соню усадили заниматься.

пожитки да Соню и переѣхала бы сюда на жительство совсѣмъ... Что тамъ у васъ, въ Питерѣ, за житье? Гнилыя зимы, чистаго снѣга за всю жизнь не увидишь... Право!..

Анна Федоровна не отвѣтила ничего.

— Что, небось, жаль разстаться съ Питеромъ?... продолжала бабушка. — Ну, ну, Богъ съ тобой, живи тамъ у себя, наслаждайся! Благо, мужъ много денегъ оставилъ...

А Елена Ивановна въ это время сидѣла около печки и втихомолку, про себя, подсчитывала расходы. Услышавъ, какъ бабушка приглашала Анну Федоровну съ Соней къ себѣ на постоянное жительство, она подняла голову и улыбнулась при одной только мысли о томъ, какъ бы хорошо было съ такою большою семьей, какъ у нея, жить постоянно въ деревнѣ! Какія бы ея дѣти были краснощекія, здоровыя, какъ бы они зимою катались на конькахъ, играли въ снѣжки, строили ледяную гору.— А то приходится имъ теперь жить въ городѣ, въ тѣсной, душной квартирѣ, рѣдко выходить на воздухъ!..

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ на дворѣ вдругъ залаяли собаки, и кто-то сталъ громко стучать палкой о рѣшетку сада.

— Кто тамъ? крикнула изъ окна бабушка.

— Телеграфистъ! слышался отвѣтъ.— Съ телеграммой! Прогоните, пожалуйста, собакъ!..

Бабушка выслала дѣвушку за телеграммой, и когда телеграмму распечатали и прочитали, то у Анны Федоровны похолодѣло подъ сердцемъ. Оказалось, что телеграмма была адресована не бабушкѣ, а именно ей, и что заграничный банкъ, въ которомъ она хранила свои деньги, разорился и прекратилъ платежи. Если это была правда, то, значить, Анна Федоровна потеряла все, что досталось ей отъ ея покойнаго мужа и чѣмъ она теперь жила, и что теперь она стала

такую же нищей, какъ и тѣ женщины, которыя побираются по улицамъ, не умѣя заработать себѣ денегъ на пропитаніе.

— Что я буду теперь дѣлать? ужаснулась она.— Чѣмъ я теперь буду жить?

Бабушка тоже смотрѣла на нее большими глазами и, молча, качала головой. Она тоже была встревожена.

— Да вѣрно ли это? наконецъ сказала она.— Быть можетъ, это ложь. Нужно сейчасъ же послать телеграмму въ Петроградъ и запросить консула, правда ли это?

Ну, и зачѣмъ, спрашивается, ты хранила свои деньги за границей, а не у насъ въ Россіи? Вотъ теперь и разорена!

Но Анна Федоровна засуетилась и стала собираться въ Петроградъ сама. Были выдвинуты опять всѣ сундуки и чемоданы, и началась въ нихъ укладка платья и бѣлья. Проснувшаяся отъ возни, Соня, узнавъ, въ чемъ дѣло, стала плакать и рѣшительно заявила, что она ни за что на свѣтѣ не поѣдетъ въ этотъ противный Петроградъ, гдѣ ей негдѣ побѣгать и гдѣ у нея нѣтъ такихъ друзей, какъ здѣсь.

— И въ самомъ дѣлѣ, обратилась къ Аннѣ Федоровнѣ и бабушка:— зачѣмъ тебѣ брать съ собою Соню? Пусть себѣ бѣгаетъ здѣсь на здоровье. Вѣдь, все равно, тебѣ придется искать другую квартиру, переѣзжать на нее,— и Богъ знаетъ еще что въ это время можетъ случиться съ дѣвоч-

608639

кой! Къ тому же еще двое сутокъ пути...

Анна Ѳедоровна и сама сознавала это; но какъ было разстаться съ Соней?

— Не безпокойся, продолжала бабушка,—мы съ Еленой Ивановной поглядимъ за нею. Поѣзжай съ Богомъ! А устройшь всѣ дѣла,—возвращайся опять сюда обратно и живи здѣсь, сколько твоей душѣ угодно.

Анна Ѳедоровна еще ни разу въ жизни не разставалась съ Соней, и для нея это былъ серьезный, мучительный вопросъ. Всю ночь она не спала, то и дѣло подходила къ кроваткѣ своей дочери, и даже нѣсколько разъ всплакнула. Но подъ утро она рѣшилась, и когда были поданы лошади, то она не стала Соню будить, долго ее крестила, нѣжно поцѣловала ее въ щеку и въ лобъ, и уѣхала на станцію.

— Берегите ее, обратилась она къ Еленѣ Ивановнѣ, провожавшей ее на вокзалъ, и опустила къ ней голову на плечо.—Одна только надежда на васъ... Чуть что, телеграфируйте мнѣ тотчасъ же...

Елена Ивановна общалась ей; локомотивъ далъ свистокъ—и поѣздъ скоро скрылся изъ глазъ. Соня осталась одна...

— «Разорена»... думала въ это время въ вагонѣ Анна Ѳедоровна.— «И если правда, что банкъ прекратилъ платежи, то чѣмъ мы съ Соней будемъ жить?»

Черезъ пять дней въ усадьбу прѣхалъ докторъ Васильевъ. Дѣти об-

радовались своему отцу, онъ ходилъ съ ними на рѣку удить рыбу, устраивалъ имъ вечеромъ иллюминацію и показывалъ имъ фокусы. Подъ конецъ онъ нарядился туркомъ, а затѣмъ сталъ на четвереньки и каталъ на себѣ по-очереди всѣхъ дѣтей, въ томъ числѣ и Соню. Соня была довольна такъ, какъ никогда еще въ жизни. И все время, пока въ усадьбѣ гостилъ докторъ, дѣти толпою ходили слѣдомъ за нимъ, и то и дѣло смѣялись на его шутки.

Прогостивъ четыре дня, докторъ засбирался обратно въ городъ къ своимъ больнымъ.

— Ну, дѣти, обратился онъ къ Катѣ и Костѣ, прощаясь,—пора и за дѣло. Довольно ужъ вы набѣгались, теперь можно по одному часику въ день и позаниматься. Вотъ и Соня тоже поучится вмѣстѣ съ вами! Ей уже десятый годъ,—пора!

Соня умѣла читать, но писала очень плохо, все больше печатными буквами, и мама не особенно настаивала на ея ученѣ, считая ее дѣвочкой слабой здоровьемъ и нервной. И когда, послѣ отъѣзда доктора, Елена Ивановна кликнула Катю и Костю заниматься и они покорно взяли свои книжки и пошли во флигель, то она нахмурилась и проворчала:

— А мы только что хотѣли играть въ палочку-воровочку!..

— Наиграетесь еще, барышня... сказала проходившая мимо Игнатъевна. — А вотъ вы бы лучше пошли поучиться вмѣстѣ съ нашими дѣтьми!

Со всѣхъ ногъ она бросилась къ рѣкѣ.

— Я никогда лѣтомъ не учусь, отвѣчала ей Соня.—Я очень слаба здоровьемъ и нервна, и потому мама не хочетъ меня утомлять.

Игнатьевна была простая крестьянка, и эти слова заставили ее улыбнуться.

— Это вы нервны? сказала она.—Да вы, слава тебѣ Господи, здоровѣе нашихъ дѣтей. Тьфу - тьфу - тьфу, какъ бы не сглазить!

Соня надулась.

— Тебя не спрашиваютъ, сказала она, и гордо пошла вдоль аллеи парка.

Пока Костя и Катя учились, всѣ другія дѣти Елены Ивановны сидѣли тутъ же около стола и вырѣзали человѣчковъ изъ бумаги.

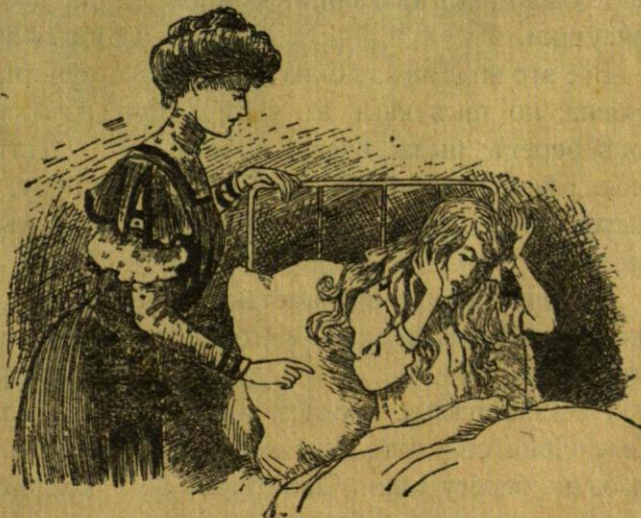
Ихъ мама сидѣла тутъ же и починала бѣлье.

— Барыня, а барыня, обратилась къ ней Игнатьевна;—вы бы и Соню усадили заниматься, а то она ходитъ по саду одна, а мнѣ надо кое-что постирать, и приглядѣть за нею некому. Сохрани Богъ, чего...

— Хорошо, няня, отвѣтила Елена Ивановна,—ты иди, а я погляжу за нею черезъ окно.

А тѣмъ временемъ Соня грустно бродила по аллеямъ парка, въ первый разъ за все пребываніе здѣсь ей сдѣлалось скучно. Она вспомнила о своей матери, вспомнила, что если бы мама сейчасъ была здѣсь, то сдѣлала бы для нея все, чего бы только Соня ни захотѣла. И, какъ избалованный ребенокъ, она надула губки и сказала:

— Мама бросила меня, уѣхала, а я такъ слаба здоровьемъ, что могу

Она уложила ее въ постель.

отъ скуки захворать... И все это докторъ! Если бы онъ не пріѣзжалъ, то дѣти теперъ не сидѣли бы за книжкой, а бѣгали бы и играли...

И, глубоко вздыхая, она дошла до того мѣста парка, гдѣ была калитка, выходящая на рѣку. Отсюда открывался видъ на тотъ берегъ и было кругомъ такъ красиво, такъ пріятно, что Сонѣ вдругъ захотѣлось побѣжать къ самой водѣ и порыться во влажномъ береговомъ пескѣ. Искушеніе было настолько сильно, что, не привыкшая сдерживать свои желанія, Соня не въ состояніи была противиться ему и со всѣхъ ногъ бросилась къ рѣкѣ... Добѣжавъ до воды, она остановилась, взобралась на большой камень, вылѣзавшій прямо изъ рѣки, сняла съ себя башмаки и чулки, бросила ихъ на песокъ, а затѣмъ стала босячкомъ бѣгать по берегу и плескаться голыми ногами въ водѣ. Кругомъ не было ни души и только слышно было какъ квакали въ камышахъ лягушки.

Все это видѣла изъ окна Елена Ивановна; но такъ какъ въ этомъ мѣстѣ берегъ былъ очень пологій и всю рѣку можно было даже ребенку перейти въ бродъ, то бояться было нечего.

— «Пусть она побѣгаетъ босячкомъ», подумала она.— «Это ей полезно!»

Прошли цѣлые полчаса, въ которые Соня съ удовольствіемъ рѣзвилась на берегу рѣки. Она бѣгала босягими ногами прямо по водѣ, выкапы-

вала въ пескѣ ямки, и когда туда заплывала рыбка величиною не больше булавки, то она ловила ее руками и долго разсматривала ее, держа ее въ ладони, наполненной водой.

Елена Ивановна глядѣла на нее изъ окна и ни одного ея движенія не упускала изъ виду; да и сама Соня, вѣроятно, изъ чувства самохраненія, не убѣгала особенно далеко и все время была ввиду флигеля. Какъ вдругъ рѣзкій крикъ, донесшійся до Елены Ивановны съ берега, заставилъ вздрогнуть ее и дѣтей. Она бросила свое шитье и побѣжала къ окошку.

Къ большому удивленію ребятъ, привыкшихъ всегда видѣть свою мать спокойной, Елена Ивановна тоже вскрикнула и опрометью бросилась изъ комнаты. Въ одну секунду всѣ они были уже на подоконникѣ и во всѣ глаза глядѣли въ сторону рѣки. Елена Ивановна бѣгомъ бѣжала по парку и двѣ минуты спустя была уже около Сони, чуть не безъ чувствъ лежавшей на берегу у одного изъ камней.

Дѣти въ ужасѣ глядѣли на эту сцену, а затѣмъ, вдругъ, прыгнули черезъ окно прямо въ паркъ и со всѣхъ ногъ пустились къ матери и Сонѣ.

Когда они подбѣжали къ мѣсту катастрофы, то Елена Ивановна уже подняла съ песка Соню, сѣла сама на камень и положила ее къ себѣ на колѣни. Соня стонала.

— Что съ тобой? спросила она ее.

— Упала... плакала Соня. — Накнулась на камень и упала...

— Чего же ты плачешь?

— Ушибла ногу... Мнѣ больно... Я хочу къ мамѣ... Мама!... Мама!..

— Но вѣдь у тебя на ногѣ даже нѣтъ синяка! сказала Елена Ивановна.—Успокойся, все пройдет!...

— Нѣтъ, я сломала, сломала себѣ ногу!... Мама!... Мама!..

— Пойдемъ - ка, Сонечка, домой, сказала она.—Нечего плакать изъ-за пустяковъ. Легкій ушибъ—и больше ничего. Скоро все заживетъ.

— Нѣтъ, мнѣ больно, больно!.. продолжала кричать Соня.—Мнѣ нужна мама, я хочу сейчасъ же видѣть маму...

— Гдѣ же ее взять? Она уѣхала въ Петроградъ, скоро приѣдетъ...

Мнѣ больно... Я хочу къ мамѣ... Мама!.. Мама!..

— Если бы ты сломала себѣ ногу, сказала маленькая Ксения, — то она отломилась бы у тебя такъ, какъ, помнишь, у моей куклы!

Елена Ивановна осторожно потянула Соню за обѣ ноги, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли одна изъ нихъ сломана, но все оказалось благополучнымъ.

И, нѣжно поднявъ Соню на руки, Елена Ивановна понесла ее къ себѣ во флигель. Здѣсь она еще разъ осмотрѣла ей ногу, а затѣмъ перенесла ее въ большой домъ и уложила ее тамъ въ постель. Пять минутъ спустя, Соня лежала уже подъ одѣяломъ, продолжала плакать, и около нея сидѣла ея вѣрная подруга Катя, и старалась

ее утѣшить. Нога Сони была завернута въ компрессъ.

— Не плачь, дѣточка, обратилась къ ней въ послѣдній разъ Елена Ивановна. — Не пройдетъ и двухъ дней, какъ все заживетъ, и ты даже и не вспомнишь о болѣзни. Постарайся быть спокойной и непроливай даромъ слезъ.

Пришла бабушка и тоже со всѣхъ сторонъ оглядѣла Соню.

— Нѣтъ, сказала она, — все цѣло... Просто дѣвочка напугалась — и только!..

И Сонѣ было досадно, что никто о ней не плачетъ, не проливаетъ слезъ и никто не желаетъ посылать сейчасъ въ городъ за докторомъ и въ аптеку за лекарствомъ, какъ это сдѣлала бы ея мама, если бы сейчасъ была здѣсь. И, уставъ плакать и возмущаться, Соня закрыла глаза, отвернулась къ стѣнѣ и заснула крѣпкимъ сномъ.

Спала Соня долго. Проснувшись, она почувствовала себя нѣсколько утомленной, вѣроятно, отъ долгаго сна; нога у нея дѣйствительно болѣла, но двигалась вполне свободно. Соня могла бы тотчасъ же и встать и начать бѣгать вмѣстѣ со своими друзьями по парку, но сознание, что она больна и что всѣ должны ее жалѣть и при видѣ ея вздыхать, заставило ее лежать въ постели. Такъ она пролежала съ полчаса, поджидая, что къ ней кто-нибудь придетъ, какъ вдругъ услышала за дверью въ корридорѣ чьи-то голоса.

— Значитъ, мама, мы богаче, чѣмъ Соня и ея мама? говорила Катя.

— Да, отвѣчала ей Елена Ивановна. — Богатство не въ томъ, чтобы имѣть деньги, а въ томъ, чтобы умѣть все дѣлать самой. Вотъ мы съ твоимъ папой сами зарабатываемъ себѣ хлѣбъ; онъ — лечитъ больныхъ, а я обшиваю всѣхъ васъ. Еще ни одной копейки не потратила на портниху. И если бѣ на насъ свалилась вдругъ какая-нибудь бѣда, то мы не пропали бы съ голоду, не потерялись бы, а всегда нашли бы себѣ заработокъ. Такъ мы стараемся воспитать и всѣхъ васъ, чтобы всѣ вы были работящи, умѣли довольствоваться малымъ и съ терпѣніемъ переносили всѣ болѣзни и невзгоды. Развѣ не стыдъ, что Соня до сихъ поръ не умѣетъ писать и такъ кричала отъ пустяшной въ сущности боли, что подняла на ноги всю усадьбу?.. Развѣ не бѣда въ томъ, что теперь ея мама и она должны остаться безъ куска хлѣба и не способны его зарабатывать сами?

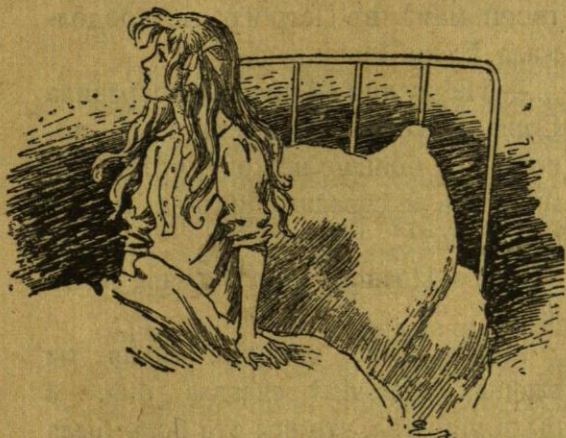
Сонѣ сдѣлалось стыдно, и она опустила глаза и покраснѣла.

— Бѣдная Соня! продолжала Катя. — Что съ нею будетъ? Она даже и не собирается учиться въ гимназіи, а ей уже скоро десять лѣтъ!..

Соня испугалась вдругъ этихъ словъ, и сердце у нея забилося.

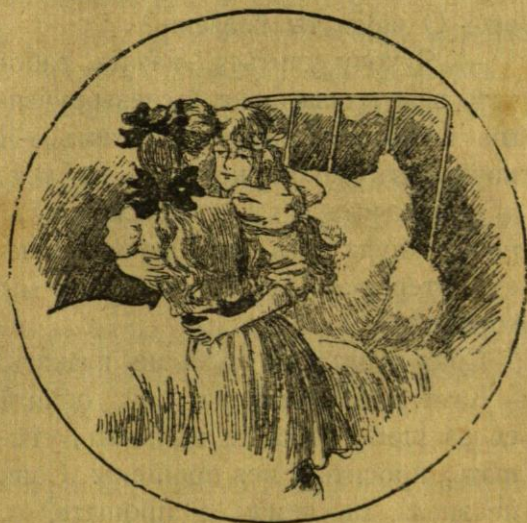
Елена Ивановна и Катя говорили вполголоса, тихонько, но Соня затаила дыханіе и стала слушать, что онѣ будутъ говорить дальше.

— Мама, а что если остаться безъ образованія вовсе? спросила снова Катя.

Соня испугалась вдругъ этихъ словъ, и сердце у нея забилося.

— Это значитъ, отвѣчала ей Елена Ивановна,—что впослѣдствіи ты будешь лишена всякой возможности жить такъ же, какъ ты жила до сихъ поръ. Всѣ отъ тебя отвернутся, для всѣхъ ты будешь чужая, и никто не будетъ считать тебя своей. И ты не будешь способна ничѣмъ заняться, ничего не сумѣешь довести до конца и не будешь способна встрѣтиться лицомъ къ лицу съ тѣми несчастія-

Катя подскочила къ ней.

и носятся со своею бѣдою, какъ послѣдніе нищіе. Нужно быть готовой ко всему.

Соня сидѣла на кровати и старалась не проронить изъ этого разговора ни одного слова. И чѣмъ больше говорили Елена Ивановна и Катя, тѣмъ ея сердце билось все сильнѣе и сильнѣе. Только теперь, въ первый разъ въ жизни, Соня поняла то, чего не понимала до сихъ поръ: что

Она подошла къ ней и обняла ее.

мама ее баловала, но что это баловство было слѣдствіемъ ея нѣжной, искренней привязанности къ ней, боязнью потерять свою горячо-любимую дочь. И какъ Соня злоупотребляла этой любовью своей матери, какъ она пользовалась этой ея боязнью!

И Соня закрыла руками лицо и глубоко вздохнула.

А когда въ комнату вошла Елена Ивановна, то Соня плакала. Еленѣ Ивановнѣ стало жаль ее, она подошла къ ней и обняла ее.

— Чего ты? ласково спросила она ее.—О чемъ ты плачешь?

— Я хочу учиться, начать работать, залепетала Соня, и слезы ручьями потекли у нея по щекамъ.—Я хочу быть такою же, какъ и всѣ.

— Значить, ты слышала насъ? воскликнула Катя, вошедшая вмѣстѣ съ матерью.—Ты слышала, что мы говорили?

Соня стала еще больше плакать.

Катя подскочила къ ней, обняла ее за шею, стала ее цѣловать, утѣшать, просить у нея прощенія. Соня не знала, въ чемъ ее прощать, и, обхвативши ее за талію, положила ей голову на плечо.

— А про ногу твою мы и позабыли! воскликнула Елена Ивановна, желая хоть какъ-нибудь успокоить дѣвочку.

Соня высунула больную ногу изъ-подъ одѣяла и задрыгала ею въ воздухѣ.

— Вотъ она моя больная нога! сказала она и громко, сквозь слезы, засмѣялась.

— А я хотѣла-было уже писать твоей мамѣ въ Петроградъ, продолжала Елена Ивановна.

— Не нужно ей писать! возразила Соня.—Пусть она будетъ тамъ покойна! Я больше не хочу, чтобы она мучилась и страдала изъ-за моихъ капризовъ!

Елена Ивановна поцѣловала ее въ лобъ.

— Ну, вотъ видишь, какая ты славная дѣвочка! сказала она.—Я была увѣрена, что вся эта боль была у тебя напускная, чтобы разжалобить другихъ. Но, во всякомъ случаѣ, ты еще полежишь немножко, а Катя сбѣгаетъ за дѣтьми, и вы поиграете всѣ вмѣстѣ въ гуська.

Катя нѣсколько помялась:

— Нѣтъ, мама, сказала она.—Соня всегда раздражается во время игры, не любитъ проигрывать и всегда плачетъ, когда выигрываютъ другіе. Это ей можетъ повредить...

Соня покраснѣла, а Елена Ивановна повернула Катю за плечи и направила ее къ двери.

— Иди, иди! сказала она.—Зови сюда всѣхъ и неси игру!

— И принеси мнѣ крутое яйцо, крикнула ей вслѣдъ Соня,—и... и краюшку черного хлѣба!

Катя кивнула ей головой и побѣжала къ дѣтямъ и въ кухню.

Черезъ пять минутъ всѣ дѣти уже играли въ гуська, а Соня за обѣ щеки уплетала яйцо и черный хлѣбъ, проигрывала и весело хохотала. Часъ спустя, она уже весело бѣгала по

парку, и о больной ногѣ не было и помину.

На другой день, поздно вечером, когда Соня была уже въ постели, возвратилась изъ Петрограда ея мать. На ней не было лица, она вся какъ-то сразу осунулась и похудѣла. То, о чемъ ее извѣщали телеграммой, оказалось правдой. Банкъ дѣйствительно разорился, прекратилъ платежи, и теперь Соня и ея мать не имѣли ничего и, что было хуже всего, не умѣли ничего заработать.

Мать молча подошла къ кроваткѣ дочери и молча поцѣловала ее въ лобъ. Соня вскочила, бросилась къ ней на шею, но взглянувъ на ея лицо и на ея слезы, свѣтившіяся у нея на глазахъ, поняла все, что еще такъ недавно говорили за ея дверью Елена Ивановна и Катя.

— Мама... заговорила она.— Милая, дорогая мама!.. Успокойся... Не плачь... Съ завтрашняго же дня я буду учиться, буду работать и буду помогать тебѣ жить.

Анна Федоровна грустно покачала головой.

— Теперь насъ ожидаетъ одинъ только черный хлѣбъ... сказала она.— Мы не имѣемъ больше ничего.

— Черный хлѣбъ? радостно воскликнула Соня.— И ты будешь разрѣшать мнѣ ѣсть черный хлѣбъ? Мама, какъ это хорошо!..

Анна Федоровна поглядѣла на ея веселенькое лицо и покачала головой.

— Дитя... сказала она.— Ребенокъ!.. Какъ все у васъ просто и какъ легко вамъ жить на свѣтѣ!

И онѣ еще долго сидѣли обнявшись, не могли наглядѣться другъ на дружку, вели разговоръ и строили планы, какъ будутъ жить вдвоемъ и какъ Соня вырастетъ большая, будетъ трудиться и содержать свою мать.

А когда Соня заснула наконецъ опять, въ комнату къ Аннѣ Федоровнѣ вошла бабушка Татьяна Максимовна.

Она была взволнована, хмурилась и въ волненіи долго ходила по комнатѣ взадъ и впередъ.

— Ну, и что ты теперь намѣрена дѣлать? спросила она наконецъ.

Анна Федоровна глубоко вздохнула и опустила глаза.

— Не знаю... отвѣтила она.

Бабушка повернулась къ окну и долго смотрѣла изъ него въ садъ. Затѣмъ она отошла отъ него и опять взадъ и впередъ заходила по комнатѣ.

— Вотъ что, Анюта... рѣшила она наконецъ.— Мы съ тобою, ты да я, такъ были мило воспитаны нашими родителями, что ровно ничего не умѣемъ дѣлать. Не повторяй же этой ошибки и постарайся приучить свою дочь къ труду. Я могла бы оставить васъ обѣихъ здѣсь навсегда, но здѣсь Сонѣ какое ученье? Она будетъ здѣсь такою же неумѣлой, какъ и я. Поэтому поѣзжайте вы обѣ въ городъ и начните тамъ обѣ учиться. Время еще не ушло. Жизнь еще передъ вами впереди. А пока что,—я буду вамъ помогать и не оставлю васъ безъ денегъ!

Черезъ пять минутъ дѣти уже играли въ гуська.

Анна Федоровна посмотрѣла на нее благодарными глазами, но бабушка отвернулась и быстро вышла изъ спальни.

Наступилъ августъ, пожелтѣли листья на деревьяхъ и цѣлыми днями стали лить дожди. Докторъ Васильевъ уже давно поджидалъ семью къ себѣ; онъ писалъ, что Катѣ давно уже пора ходить въ гимназію и что онъ не желаетъ, чтобы она пропускала уроки; что Костѣ тоже пора уже учиться, а малышей можно отдать въ дѣтскій садъ,—и всѣ милые дачники стали понемногу собираться въ городъ. Стали собираться въ Петроградъ и Анна Федоровна съ Соней. Рѣшили выѣхать всѣ вмѣстѣ и назначили для этого опредѣленный день.

Начались хлопоты, сборы въ путь, укладыванье банокъ варенья и ма-

ринованныхъ грибковъ, и наконецъ бабушкина усадьба опустѣла.

На станціи было трогательное прощаніе у Сони съ дѣтьми, всѣ обѣщались другъ другу писать, и когда подошли два поѣзда и повезли ихъ

— Мама... заговорила она.—Милая, дорогая мама!.. Успокойся!..

На станціи было трогательное прощаніе.

въ разныя стороны—однихъ въ Петроградъ, а другихъ—въ уѣздный городъ, то стало казаться, что кого-то нѣтъ, кого-то жаль, и въ то же время впереди открывалась новая, заманчивая, трудовая жизнь.

Какъ-то въ глубокую осень раннимъ утромъ знакомый намъ докторъ въ Петроградѣ зашелъ къ Аннѣ Федоровнѣ, чтобы провѣдать ее и спросить ее о здоровьѣ Сони. Къ его удивленію Анны Федоровны не было уже дома, и его встрѣтила сама Соня, розовая, веселая, здоровая, съ сумкой въ рукахъ.

— А гдѣ же мама? спросилъ ее докторъ.

— Она ушла къ себѣ въ контору,

бойко отвѣтила Соня.—Она тамъ служить кассиршей.

— Значитъ, ты дома одна?

— Да, отвѣтила Соня.—Только я да кухарка. А сейчасъ я отправляюсь въ гимназію, уже пора...

— Въ гимназію?.. удивился докторъ.—А какъ же твое здоровье?

— Выздоровѣла!.. весело воскликнула Соня.

И, громко захохотавъ, она побѣжала въ прихожую и стала одѣваться.

Докторъ развелъ руками и въ удивленіи посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

М. П—въ.

А какъ же твое здоровье.

ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЯ.

Благодатная весна
Къ намъ ужъ возвратилась,
И отъ сумрачнаго сна
Все съ ней пробудилось.

Легкій нѣжный вѣтерокъ
Тихо съ юга вѣть,
Мчится съ пѣною потокъ,
Травка зеленѣть.

Ярко солнышко блеститъ
Подъ небеснымъ сводомъ,
Пчелка Божія летитъ
Въ поискахъ за медомъ.

Загудѣли ужъ жуки,
Залетали мушки,
Громъ гремѣль, и у рѣки
Ужъ кричатъ лягушки.

Голубья небеса
Ласкою сіяютъ,
И ужъ криками лѣса
Пташки оглашаютъ.

А съ далекой вышины
Пѣсня раздается,
Трели звонкія слышны,
Нѣжный свистъ несется,—

То пѣвецъ весны поетъ
Въ выси поднебесной
И на дачу всѣхъ зоветъ
Пѣсенкой прелестной.

Ирисъ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

ШАРАДА.

Возьмите часть смолы и мѣсто, гдѣ
родились.

Сложите вмѣстѣ ихъ, конечно, на
словахъ,

И сдѣлайте вы такъ, чтобъ получи-
лись

Кустарники, растущіе въ садахъ.
* * *

На нихъ бываютъ ягоды, изъ нихъ
варятъ варенье,

То черное, то бѣлое, то цвѣта розъ.

Рѣшайте же скорѣй: что это? Безъ
сомнѣнья,

Вы видѣли хоть разъ, какъ этотъ
кустикъ росъ.

* * *

Весною онъ цвѣтетъ довольно не-
красиво,

Но листь его такой имѣетъ аромать,
Что въ огурцы его кладутъ, въ на-

стойки, въ пиво,

И даже изъ него зеленый квасъ ва-
рятъ.

Слово состоитъ изъ 13 буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. Буквы 9. 10. 6. 2. 3 означаютъ кавказскій верхній плащъ, 12. 7. 4. 3. 11. 3—музыкальный инструментъ, 9. 1. 6. 5. 12. 13—край рѣки, озера и моря, 2. 3. 11. 5. 4. 3—экипажъ, 2. 3. 8. 3. 4. 13—толстую веревку, 4. 11. 10. 9. 3—принадлежность печки, 12. 6. 3. 8. 7. 4. 13—породу камня, 9. 3. 8. 3. 8. 13—душистый плодъ пальмы, 2. 3. 11. 4. 7. 8. 3—произведение искусства, 6. 10. 9. 7. 8. 13—драгоценный камень. Найти эти слова и задуманное слово, которое означаетъ названіе большого города на Уралѣ.

ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

1) Почему люди ходятъ не на головахъ, а на ногахъ?

2) Почему птицы улетаютъ осенью въ теплыя страны?

«... Однажды мы были въ зоологическомъ саду. Тамъ, на большомъ пруду, плавалъ красивый лебедь и кругомъ стояли на берегу другія птицы. Вблизи, въ аквариумѣ, ползалъ ракъ и топорщилъ свои усы; тутъ же около него извивались ершь да щука. Съ нами была наша маленькая сестренка, которую мы должны были везти съ собою на колясочкѣ,

и она всему этому удивлялась. Особенно было интересно, когда къ слону подвезли цѣлый возъ соломы и онъ быстро расправился съ этой поклажей и съѣлъ ее всю. Затѣмъ наша сестренка заснула, мы взяли за руки, придѣлали къ колясочкѣ дышло и вмѣстѣ всѣ въ него впряглись и отправились домой».

Подчеркнуть въ этомъ отрывкѣ изъ письма нѣкоторыя слова, изъ которыхъ должны составиться первыя строки извѣстной басни Крылова.

Названія какихъ цвѣтовъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Не знаю, чѣмъ вколотить гвозди; камня нѣтъ, а молотокъ позабылъ дома.

2) Отъ ударовъ грома шкафъ съ посудой дрожалъ, и всѣ рюмки въ немъ звенѣли.

3) Скоро заиграетъ музыка и начнется представленіе.

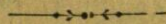
4) Мимо завода проходить полотно желѣзной дороги.

5) Не правда-ли, Лія была дочерью Лавана и женой Іакова?

6) Непрiятельскій шпионъ былъ пойманъ недалеко отъ укрѣплений.

7) Свинина и рисъ—вотъ любимыя кушанья китайцевъ.

8) Усердный рыболовъ вмѣсто рыбы вытащилъ изъ рѣки старый башмакъ.

Ребусъ № 12.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 10, помѣщенныхъ въ № 10 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I., Одежда. II., За паровозомъ. III., По вѣткамъ дерева. IV., Сли...вы (сливы). V., Кара+мель=карамель.

Ребусъ № 10. По+до+рогъ+ѣ+ми+моторъ+г+овца+мя+сомъ+п+ромъ+ча+лось+пять+волкъ+овъ=По дорогѣ мимо торговца мясомъ прѣмчалось пять волковъ.

Вѣрные рѣшенія прислали: О. Вальгардъ, А. Ф. Лебедевъ, Л. Чудинова, В. Крыловъ, Н. Трофимовъ, И. Чичерина, Н. Карлинъ, Совушка и Мурзя, Л. Петерсонъ, Г. Бердоносъ, Б. Матвѣевъ, М. Кашникова, Л. Аتماкина, В. Минкевичъ, Ю. Молчановъ, К. Соболева, Г. и Н. Леммергиртъ, О. Гедике, А. Лапинъ, Н. Давидова, А. Чмыховъ, А. Экслеръ, Л. Бардская, Е. Калашникова, Т. Андреева, К. Карякинъ, Н. Шиганова, Н. Губаръ, Л. Осъкинъ, Р. Геродесъ, Т. Шохетъ, А. и К. Шутакъ, К. Новогродскій, Г. Тимонова, Н. Мешерскій, Н. Рытиковъ, Л. и Г. Сидоренко.

ТРИ КНИГИ за 1 руб. 60 к.

съ пересылкой:

1. «Дружокъ и ѳомка».
2. «Въ неволѣ».
3. «Братъ и сестра».

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровскій просп. 26.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходить ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ (24 номера въ годъ).

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ,
 12 ИГРЪ для дѣтей.
 24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (раскрашенные въ четыре краски).

ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

1) КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ.

2) Книга съ иллюстраціями:

„СО ДНА ПРОПАСТИ“.

5 р. — полная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ
 на полгода 2 р. 90 к.

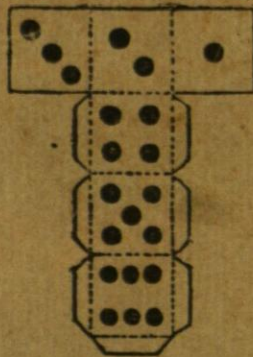
Подписки принимаются въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и въ известныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

5 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.

ПРЫГАЙ ДАЛЬШЕ (игра).

(Приложеніе къ этому номеру).

Склейте косточку.

Играющихъ двое или четверо. Если двое, то каждый беретъ себѣ по двѣ цифры на углахъ, а если четверо, — то по одной. Играютъ по очереди. Мѣсто и очередь опредѣляются жребіемъ. Съ цифръ только начинаютъ и въ дальнѣйшей игрѣ онѣ считаются какъ-бы пустымъ пространствомъ. Запасаются пуговицами.

Бросаютъ косточку и отъ своей цифры отираются каждый *валво* на столько квадратиковъ, сколько выйдетъ на косточкѣ очковъ.

Случайности: 1. Если пуговица стаетъ на *темный* кружокъ, то ее тотчасъ продвигаютъ сквозь воротца въ *высшій* рядъ и ставятъ на мѣсто бѣлаго кружка; въ слѣдующую очередь продолжаютъ игру уже въ этомъ новомъ ряду. 2. Если пуговица стаетъ на *бѣлый* кружокъ, то ее возвращаютъ сквозь воротца на *черный* кружокъ въ *низшемъ* ряду и продолжаютъ игру уже въ этомъ ряду. 3. Если пуговица стаетъ на *полосатый* кружокъ, то она остается здѣсь до тѣхъ поръ, пока сюда же не стаетъ чья-нибудь другая пуговица. Тогда ожидавшій бросаетъ не въ очередь косточку и продвигается дальѣ, а ставшій на его мѣсто дожидается прихода слѣдующаго. 4. Ставшій на *крестикъ* немедленно-же продвигается сквозь воротца къ цифрѣ *пять* и считается выигравшимъ.